

Барон Генрих фон Киттлиц: немецкий дворянин на службе Императорской Российской Академии наук¹

Лиза Штрекер

Введение

Участие в российском кругосветном плавании для Генриха фон Киттлица стало осуществлением заветнейшей его мечты. Всю оставшуюся жизнь он посвятил научным и популярным описаниям этого путешествия. Пост орнитолога в кругосветном плавании под командованием капитана Литке (1826–1829) дал возможность немецкому естествоиспытателю посетить регионы, которые в тот период времени либо почти, либо совсем не были описаны. После возвращения он предполагал получить место в Российской Академии наук, но обстоятельства сложились иначе. Лишь небольшая часть публикаций фон Киттлица была написана на русском языке, а основная часть – на немецком; именно по этой причине эти публикации доступны в России только узкому кругу читателей. Одна из задач современного немецко-российского сотрудничества состоит в том, чтобы представить широкой публике результаты масштабных проектов прошлого. Эта статья раскрывает деятельность естествоиспытателя и художника барона Генриха фон Киттлица, который не только провёл на Камчатке исчерпывающие научные исследования, но и оставил потомкам уникальные иллюстрации своих путешествий.

Генрих фон Киттлиц – орнитолог и художник

Барон Фридрих Вильгельм Генрих фон Киттлиц и Оттендорф (Friedrich Wilhelm Heinrich von Kittlitz und Ottendorf) родился 16 февраля 1799 в городе Бреслау (ру.: Вроцлав, сейчас – Польша). Он был первенцем Фридриха Вильгельма Августа фон Киттлица и Оттендорфа (Friedrich Wilhelm August von Kittlitz und Ottendorf) и Генриетты фон Дибич (Henriette von Diebitsch).

«Рано проявившаяся тяга к живописи», а также увлечение миром птиц привели к тому, что Генрих уже в детстве начинает рисовать птиц – достоверно и весьма мастерски. Мальчик становится учеником гимназии в силезском городе Олесница, чтобы впоследствии стать юристом, но в 13 лет оставляет гимназию ради участия в освободительной борьбе против Наполеона. Генрих становится добровольцем в батальоне своего отца – капитана одного из силезских пехотных полков. Со временем выяснилось, что этот поступок был скорее «данью традиции, осознания своего сословия и времени», чем об склонностью самого молодого человека. Позже он весьма сожалел об этом своём шаге. Генрих участвовал в боях на территории Франции, где и заболел тифом, от которого едва не умер.

1 Перевод: Ольга Сыдор

О том, что природоведение было ему гораздо ближе, чем служба в армии, свидетельствует следующая цитата. Абсолютно очевидно, что только благодаря приветливому характеру Генриха его начальство, несмотря на слабо выраженные военные таланты юноши, выдало ему позитивные рекомендации. «Характерно для рвення, но более для страсти, с которой фон Киттлиц занимался орнитологией, является то, что весь 34-ый пехотный полк, в котором он служил, по его примеру занимался охотой на птиц и ловлей птиц, и на протяжении одного лета полевой лагерь перед Майнцем просто кишел молодыми подрощенными птицами».

В течение своей военной службы, вначале в Силезии, а после в Майнце, Генрих скрупулёзно изучает мир птиц в местах дислокации своей части и делает многочисленные зарисовки. Он ведет списки отстрела и орнитологические дневники, куда тщательно заносит свои наблюдения и открытия, очень детально их описывает и искусно иллюстрирует. При этом он носит-ся с мыслью издать иллюстрированную книгу по орнитологии (Steinbacher 1955: 121–22, неопубликованная рукопись: 1-3, I:1,5,² Petersen 1875: 41).

Любознательность и планы путешествий

Однако уже в это время складывается тот фатальный сценарий событий, который будет преследовать его всю дальнейшую жизнь: его собственные, очень высокие требования, с одной стороны, и проблемы со здоровьем, с другой, становятся причиной того, что подготовка публикации слишком затягивается, и его опережает кто-то другой. Из-за этого его первый проект с книгой по орнитологии, несмотря на то, что была проделана большая подготовительная работа, не состоялся. Однако интенсивное занятие отечественным миром птиц никоим образом не утолило любопытство молодого фон Киттлица, а скорее только пробудило его научный аппетит. Таким образом, он с увлечением ищет для себя такую сферу исследований, которая бы была, по сравнению с миром птиц, не настолько хорошо описана, а еще лучше – вовсе неизвестна западной науке того времени: «А именно для нас была почти неизвестна зоология Восточной Сибири с примыкающей к ней Камчаткой, и там надо ожидать много нового и интересного». По словам фон Киттлица, тогда не существовало – кроме часто цитируемой им книги Палласа (Pallas) – никаких объёмных зоологических трудов по этой местности³ (II:5, Steinbacher 1995: 123).

-
- 2 Оба тома путевых заметок Фон Киттлица „Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka [Памятные моменты путешествия в русскую Америку, Микронезию и по Камчатке]“. В целях экономии места сокращенно подаются в этой статье как „I“ для 1-го тома и „II“ для 2-го тома.
 - 3 Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico et adiacentibus maribus observatorum recensionem, domicilia, mores et descriptiones anatomen atque icones plurimorum. St. Petersburg 1831. Этот труд не был доступен участникам экспедиции, т.к. он, хотя и был завершён ещё в год смерти его автора, т.е.

От военной карьеры к научной

Таким образом, внимание молодого фон Киттлица сосредотачивается на возможности принять участие в почти ежегодно проводящихся в то время российских кругосветных плаваниях. В осуществлении этой идеи, без сомнения, важную роль сыграла как протекция родственников, пребывающих на российской военной службе, так и влиятельные друзья семьи: «Мне казалось, что личные отношения значительно облегчат доступ до тогда еще в наших кругах так мало известной Российской империи».

Из этих соображений, хотя его военная карьера и обещала быть успешной, девятнадцатилетний премьер-лейтенант фон Киттлиц решает оставить военную службу, и, следуя своему истинному призванию, начать карьеру исследователя природы. В 1824 году он становится член-корреспондентом Зенкенбергского общества естествоиспытателей,⁴ и в 1825 году – на двадцать шестом году своей жизни – окончательно прощается с армией. В течение 1826-1829 годов он участвует в российском кругосветном плавании под командованием капитана Литке, которое впоследствии будет детально описывать.

К сожалению, после возвращения из путешествия в 1829 году фон Киттлиц из-за болезни не смог принять участие в приеме всех членов экспедиции у российского императора. По этой причине он оказался единственным, кому не досталась награда, которая предполагала, помимо прочих почестей, также и значительную финансовую компенсацию. Тем не менее, в течение всего времени, которое было необходимо Фон Киттлицу для обработки своих научных результатов, Императорская Российская Академия наук выплачивала ему годовое жалование в размере 2500 рублей.

По возвращении во Франкфурт-на-Майне Фон Киттлиц вскоре присоединяется к экспедиции Эдуарда Рюппеля (Eduard Rüppell)⁵ в Африку. Но на Ниле он настолько серьезно заболел, что был не только вынужден, к своему величайшему сожалению, вернуться, но и в будущем не смог более предпринимать длительных путешествий. С 1832 по 1843 Фон Киттлиц живет в Кёльне и посвящает время в основном работе над своим трудом «24 вида вегетации прибрежных стран и островов Тихого Океана» («24

в 1811 году, но вскоре после этого был утерян и нашелся снова только через 16 лет. По утверждению Фон Киттлица, только один экземпляр первого тома должен был находиться в Берлине.

- 4 Зенкенбергское природоведческое общество было основано 1817 во Франкфурте-на-Майне и названо в память и в честь его основателя, врача и природоведа д-ра Йоганна Кристиана Зенкенберга (1707-1772). Учреждение, занимающееся медицинскими и природоведческими исследованиями, существует в Германии и ныне, на его балансе – один музей и девять научно-исследовательских институтов. www.senckenberg.de
- 5 Эдуард Рюппель (Eduard Rüppell) (*1794 Франкфурт-на-Майне, †1884 там же) Путешественник, исследователь, географ, зоолог. Сотрудник Зенкенберга. Рюппель высоко ценил фон Киттлица – и как человека, и как коллегу (Klausewitz 2005: 227).

Vegetationsansichten von Küstenländern und Inseln des Stillen Ozeans»). В 1845 году он возвращается в Берлин, где вращается в обществе Гумбольдта и других именитых естествоиспытателей того времени. Через несколько лет он снова переезжает в Майнц, чтобы посвятить себя работе преимущественно над публикациями своих предыдущих исследований (Lütke 1835: I, II:5-6, Steinbacher 1955: 122, Petersen 1875: 43).

Личная жизнь

В 1844 году фон Киттлиц женится на вдове Юлии Шульц (Julie Schulz), у которой уже был сын от первого брака, вскоре умерший. В браке Генриха с Юлией рождаются дочь и двое сыновей. Фон Киттлицу было суждено пережить жену и дочь, но его утешением стали сыновья, с которыми он находился в очень близких отношениях.

В своих книгах фон Киттлиц очень сдержан в высказываниях относительно женского пола, поэтому из его трудов мы узнаём преимущественно о его пылкой страсти к редким породам птиц, но получаем очень скудную и более чем дискретную информацию относительно возможных симпатий автора к какой-нибудь даме (Steinbacher 1955: 128, неопубликованная рукопись: 4).

Философский вечер жизни

В пожилом возрасте фон Киттлиц посвящает часть своего досуга эстетическим и философским изысканиям; он интенсивно изучает Гомера и ратует за признание философии отраслью естествознания. Его философские публикации пользуются популярностью наравне с естественнонаучными. В 1863 году фон Киттлиц публикует, помимо прочего, «Психологические основы для новой философии искусства» (Psychologische Grundlagen für eine neue Philosophie der Kunst), а также «Выводы о душе человека на основе мировой души» (Schlussfolgerungen von der Seele des Menschen auf die Weltseele).

Во время войны 1870-71 годов он руководит домашним лазаретом. 10 апреля 1874 года Генрих фон Киттлиц умирает в возрасте 75 лет в Майнце от воспаления легких (Petersen 1875: 44, неопубликованная рукопись: 5, Petersen 1875: 44).

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОКРУГ СВЕТА

Фридрих Генрих фон Киттлиц описал длившееся три года плавание вокруг света в своем двухтомном труде, который озаглавил «Памятные моменты путешествия в русскую Америку, Микронезию и по Камчатке» (Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka. Gotha: Perthes, 1858.)

Его первоначальный план – проиллюстрировать описание поездки большим количеством гравюр, т.е. создать своего рода альбом, потерпел неудачу

из-за больших временных и денежных затрат, необходимых для реализации такого проекта. Запоздалый выход в свет описания путешествия, а именно – почти через 30 лет после экспедиции, является одной из причин, из-за которых фон Киттлиц не получил того признания, которое ему полагалось за такой масштабный труд (I:V).

В своём труде фон Киттлиц описывает плавание на «Сенявине» с присущей ему достоверностью и скрупулезностью. При этом он тщательно обдумывает каждое слово, поскольку «простое, безыскусное изложение скорее способно передать очарование природы, чем перегруженное пышными метафорами описание ...». Параллельно ученый пытается осветить также «важность некоторых, на первый взгляд, побочных обстоятельств, которые рассказчик не может обойти стороной, если хочет, чтобы слушатель или читатель принимали живое участие в рассказе». Таким образом, труд фон Киттлица содержит информацию, относящуюся ко всем сферам исследований самого автора, причем мы находим тут и по нескольку страниц перечислений наблюдаемых птиц. Тем не менее, книга не скучна и читается легко.

Путешествие в Россию

Благодаря протекции дяди⁶ и одного из друзей отца фон Киттлиц путешествует из Берлина в Санкт-Петербург в свите принца Карла Прусского (Steinbacher 1955: 123).

Используя связи своих покровителей, немец уже вскоре после прибытия получает пост в Императорской Российской Академии наук, чтобы в качестве естествоиспытателя и орнитолога принять участие в уже почти готовой к отплытию морской экспедиции под командованием капитана, а впоследствии адмирала, Фёдора Петровича графа Литке. Время до отъезда фон Киттлиц использует для того, чтобы познакомиться с Санкт-Петербургом, выучить первые русские слова и наладить важные для него контакты с другими учеными. Он знакомится с Иваном Фёдоровичем Крузенштерном, посещает ботанический сад, а также Кунсткамеру, в которую позже отдаст большую часть привезенных им птичьих чучел. На тот момент она производит гнетущее впечатление на ученого своей запущенностью. Достойными внимания он считает тела двух слуг Петра I, препарированных так, что черты их лиц сморщились до неузнаваемости (I: 15-18).

Литке решает дождаться возвращения корабля «Предприятие» под командованием Отто Евстафьевича Коцебу, который в это время как раз завершал своё третье кругосветное плавание (1823-1826). Таким образом, фон Киттлиц получает возможность познакомиться и обменяться научными знаниями с естествоиспытателем Иоганном Фридрихом фон Эшшольцем, который принимал участие в этой экспедиции (I: 28).

6 Сводный брат его матери, немецко-русский фельдмаршал Иван Иванович Дибич-Забалканский, состоял на службе у российского царя (Неопубликованная рукопись).

Маршрут

26 августа 1826 года фон Киттлиц на борту «Сенявина» покидает порт Санкт-Петербурга. Первоначальное восхищение вскоре сменяется ужасной морской болезнью, которая больше не оставляет его на протяжении всей экспедиции.

После того, как судно миновало Кронштадт, началось собственно путешествие, которое провело молодого исследователя вокруг глобуса: Тенерифе, Канарские острова (14 ноября 1826 года), Рио-де-Жанейро, Бразилия (январь 1827), Мыс Горн, Южная Америка (февраль), Вальпараисо, Чили (27 марта 1827), Тихий Океан (15 апреля 1827), бухта Ситка, Северозападная Америка (Ново-Архангельск), Алеуты и Петропавловск (до 31 октября), Каролинские острова и Бонинские острова (острова Огасавара). 9 июня 1828 года экспедиция вновь прибывает в Петропавловск. Тут фон Киттлиц сходит на берег для того, чтобы в течение лета провести ряд исследований на Камчатке. 10 ноября он возвращается из путешествия по полуострову назад к своей экспедиции в порт Петропавловска и на борту «Сенявина» покидает Камчатку. Капитан Литке, следуя указаниям Его Величества, отправляется: «... исследовать побережье коряков и чукчей, которые не были описаны со времен Беринга. А также побережье Охотского моря и Шантарских островов, о которых все еще слишком мало знают» (Литке 1835: XI). Обратный путь ведет через Филиппины, остров Св. Елены и Азорские острова назад в Европу, где фон Киттлиц 12.06.1829 г. сходит на сушу в Гавре (Stricker 1882: 46).

Экспедиция

Руководимая Литке экспедиция состояла из двух кораблей – «Сенявин» и «Моллер». „Моллер“ находился под командой капитана Станюковича, оба корабля были построены специально для этой экспедиции. Литке описывает строение кораблей как идеальное для длительных путешествий, так как они хорошо держатся на плаву и не нуждаются в большом экипаже для маневрирования. Как корабли военно-морского флота они также оборудованы девятнадцатью пушками. Вместе с людьми, которые должны были быть доставлены в Охотск и Петропавловск, экипажем корабля, учеными и т.д. на борту «Сенявина» находилось 62 человека. Наряду с фон Киттлицем в качестве естествоиспытателей в путешествии участвовали еще врач и ботаник д-р Мертенс (Mertens), а также художник и минералог Постельс (Postels). Кроме упавшего с мачты матроса, команда «Сенявина» в течение всей экспедиции не понесла никаких потерь.

Причиной этого путешествия была доставка персонала, грузов и почты в отдаленные точки Российской империи: Охотск и Петропавловск-Камчатский. Капитан Литке называет большой удачей возможность плыть в мирное время: благодаря этому экспедиция на протяжении года могла заниматься исключительно научными исследованиями. В дорогу ему дали внушительный список мест, которые следовало описать и изучить (Литке 1835: Введение, I: 31).

ФОН КИТТЛИЦ НА КАМЧАТКЕ

В столице Петропавловске (Петропавловский порт)

24 сентября 1827 «Сенявин» впервые за всё время путешествия заходит в гавань столицы Камчатки – Петропавловский порт. Фон Киттлиц лаконично, но очень образно представляет своему читателю описание этого города, в котором, по его данным, на тот момент проживает всего 200 человек.

«...на юге ... странно узкая, очень правильной формы песчаная коса,... которая на небольшом расстоянии от полуострова вдруг обрывается, тем самым образуя вход в гавань. На этом узком языке суши когда-то были выстроены все квартиры этого портового поселка; в наше время тут виден только длинный ряд балаганов, т.е. поднятых в воздух на сваях сараев с припасами, способ постройки которых характерен преимущественно для камчатских поселений. Однако большинство из них также покинуты и представляют собой только голые торчащие сваи. Город, в котором располагается губернское управление, тянется от берега, где начинается вышеупомянутая коса, до подножия крутых гор. Здесь около сорока домов, построенных по русскому обычаю из дерева, преимущественно одноэтажных, разбросанных по заросшему короткой травой, а выше – лесом – по склону довольно высокой, приблизительно около 1000 футов, горной гряды. Жильё губернатора и ещё несколько зданий, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга, находятся в верхней части этого естественного амфитеатра, ниже – деревянная, с куполами в русско-греческом стиле новая церковь, являющаяся украшением пейзажа; тогда еще существовала ее соседка, ранее построенная местная церковь, которая потом была оставлена...» (I: 304–306).

Первая встреча с птичьим миром Камчатки

Непосредственно после описания Петропавловска фон Киттлиц сообщает о своих первых орнитологических экскурсиях на окраину столицы, куда он, вероятно, выбрался сразу же по прибытии. Фон Киттлиц пишет: «В соответствии с моей профессией птицы стояли для меня на первом месте среди предметов, наблюдаемых во время этого путешествия» (I: XII).

Первую часть описания Камчатки фон Киттлиц посвящает исключительно миру птиц; первые страницы его труда принадлежат только орнитологическим наблюдениям и размышлениям: «Как известно, птицы принадлежат к основным украшениям, которыми природа одарила отдельные страны, и их жизнь настолько глубоко связана с остальными природными явлениями, что в рассказе, подобном этому, достаточно детальные описания жизни птиц более чем уместны» (I: XI).⁷

Один из первых вопросов, который волнует фон Киттлица – «впечатлительные угнетающей мертвой тишины» (I: 312), царящей на полуострове. Под

⁷ Однако здесь следует заметить, что широкое описание края с типами его ландшафтов и флоры можно найти в его труде „24 вида вегетации...“

«тишиной» он подразумевает отсутствие вездесущего и многоголосного птичьего пения, к которому привычно ухо европейца. В своих более поздних работах Фон Киттлиц приводит одно из объяснений этого странного явления: наличие неописуемо большого количества «кровожадных» комаров, от которых птицы-родители не могут уберечь своих еще голых птенцов. Однако далее он этим вопросом не занимается.

Белоплечий орлан

«27-го июня наконец наступил день, когда «Сенявин» покинул гавань. В момент, когда натянулись паруса, над крутым профилем полуострова вдруг появился великолепный огромный орлан. Пролетев довольно близко от корабля, он в мгновение ока исчез за предгорьем Сигнального мыса. – Вид этого воистину гомеровского птичьего символа вызвал у всех, кто это видел, возглас восторга – для меня самого вид этой величественной птицы, практически единственного жителя Камчатки, был ещё одним подтверждением необходимости изменить мои первоначальные планы: не плыть на корабле, а задержаться на некоторое время на полуострове» (II: 203–04).

Фон Киттлиц остается на Камчатке

Вид знаменитого белоплечевого орлана (*Haliaeetus pelagicus*, Pallas) заставил биться быстрее сердце страстного орнитолога, и он решил задержаться на Камчатке дольше, чем планировал. Уже непосредственно по прибытию Фон Киттлиц принимает решение на некоторое время отделиться от экспедиции, чтобы детальнее исследовать полуостров, который сразу же его очаровал (I: 319–21).

«Камчатка, которая еще вчера представилась мне такой унылой, теперь казалась мне не менее чем раем; наиобычайшие природные красоты сияли в волшебном, незабываемом для меня свете ... однако эти хвалебные слова были только слабым отзвуком моих собственных чувств» (I: 314).

Решение фон Киттлица одобрил и капитан Литке, и местные власти. Это обеспечило учёному необходимую поддержку, которая стала для него неоценимой помощью в путешествии по такому дикому краю, каким была Камчатка. Итак, 8 июня 1828 года фон Киттлиц, во время второго пребывания «Сенявина» в Петропавловске, сходит на сушу, не определившись окончательно, растается ли он с экспедицией только на лето, либо же навсегда. Вместе с ним с корабля сходит моряк Виттрин. Очевидно, планировалось, что он будет сопровождать фон Киттлица. Однако из-за болезни Виттрин не смог принять участие в путешествиях по полуострову.

Несмотря на то, что в своих описаниях красот полуострова Камчатка фон Киттлиц, без сомнения, искренен, все же создаётся впечатление, что он частично жалеет о своём решении отделиться от экспедиции. «Только через много лет, когда я прочёл напечатанный отчет о путешествии адмирала

Литке, я окончательно утвердился в мысли, что мое тогдашнее решение отделиться от экспедиции было крайне неудачным». Однако это высказывание трудно согласовать с объёмными результатами исследований, проделанных фон Киттлицем на Камчатке, хотя он задним числом и пишет, что ему при выполнении своих профессиональных обязанностей ему очень не хватало позитивных эмоций. Тоска и меланхолия существенно мешали учёному. Фон Киттлиц поясняет эти свои депрессивные настроения влиянием местных климатических особенностей. Описанное им в нескольких работах как «усталость», это состояние могло быть как следствием длительного физического перенапряжения, так и уже упомянутого выше состояния душевного истощения (II: 192, 194–95, Steinbacher 1955: 124).

Поездка на остров Старичков

Прежде чем отправиться в длительное путешествие в центральную часть полуострова, фон Киттлиц изучает мир птиц в окрестностях столицы. С этой целью 30 июня он посещает остров Старичков.

«Тут, в не слишком обильной земле, роют свои норы топорки. Когда мы пришли ранним утром, они сидели наверху между стеблями травы в большом количестве, что создавало весьма своеобразную картину» (II: 211).

Члены экскурсии вскоре убедились, что незадолго перед ними кто-то уже побывал на острове: «Все находящиеся в радиусе досягаемости гнезда морских птиц были ограблены, и мы нашли остатки 100 топорков рядом со свежими следами от кострища». В дальнейшем фон Киттлиц немало удивляется ловкости и мужеству своих спутников «в собирании на крутых склонах птичьих яиц, которые не успели собрать предыдущие гости острова».

Далее автор описывает последствия бесцеремонной охоты на топорков: «Опустошение, которое создаёт частое отлавливание этих птиц в момент высиживания птенцов, должно быть особенно большим, поскольку оно касается только особей женского пола. К моему удивлению, я всегда находил в желудках отловленных самок этого вида только свежую траву, по всей видимости, ту, что растёт в непосредственной близости от гнёзд на покрытых травой склонах. Вероятно, самки во время высиживания питаются исключительно травой, чтобы не покидать гнезда более чем на несколько секунд, в то время как летающих вокруг самцов можно постоянно наблюдать плавающими в море и ищущими там свой корм» (II: 217–21).

Путешествия в Центральную Камчатку

Самая длительная поездка фон Киттлица по Камчатке – в Ключи. По пути он посетил Авачу, Паратунку, Старый Острог, Коряки, Начики, Малки, Ганалы, Пуцино, Шаромы, Верхний Камчатск, Мильково, Кирганик, Шапину, Козыревск, Ушки, Кресты. Основной целью этого путешествия фон Киттлица были хвойные леса центральной Камчатки.

В те времена летом по Камчатке путешествовали либо пешком, либо верхом на лошади, либо по воде. На реках использовались типичные для этой местности лодки-однодеревки. Обнаружив однажды в Малках следы повозки, фон Киттлиц был глубоко удивлен. Во время путешествия он описывает все посещаемые им места с типичной для него основательностью (II: 271).

Гостеприимство

Особую похвалу заслуживает у фон Киттлица гостеприимство, которое ему оказывают повсеместно, иногда в весьма бурной форме:

«Мы довольно медленно приближались к поселку, видимому издалека; тем временем опередивший нас Николай Коршунов (сопровождающий фон Киттлица – прим. авт.) имел достаточно времени, чтобы позаботиться о пышном приеме. Кто не знал господствовавшего на реке Камчатке обычая, мог бы подумать, что наше прибытие было встречено крайне враждебно: настолько продолжительным и пышным был салют, которым нас встречали вдоль всей немалой длине поселка. Как бы ни был я лично против расточительной траты пороха, но мне не оставалось ничего другого, как со своей стороны также его не жалеть; все, что было способно стрелять на борту нашей лодки, от души присоединилось к приветствию. Однако для стрельцов из Ключей это стало лишь дополнительным стимулом продолжать их огонь ещё живей; а староста громко выразил по этому поводу свою радость. А так как день выдался жаркий, то моя двустволка вскоре так раскалилась, что я был вынужден прекратить стрельбу еще на борту нашей лодки ...» (II: 289).

После столь сердечного приветствия фон Киттлиц описывает еще одну сцену гостеприимства в доме принимающего гостей хозяина:

«В эту главную комнату ведут прибывшего гостя, в то время как семья выходит на это время в заднюю комнату; хозяин и хозяйка по очереди появляются, чтобы принести еду и составить гостю компанию. Только за чаем за столом, наконец, собираются все домочадцы, причем хозяйка или ее заместительница берет на себя почетное задание разливания чая и не преминет воскликнуть в адрес гостя, выпившего, возможно, десять чашек кряду: «Однако мало кушали!» (II: 316).

Называя это гостеприимство аутентичным, автор отмечает, что такие визиты являются весьма значительной нагрузкой для местного населения. Сопроводительное письмо властей Камчатки обеспечивало фон Киттлицу максимальное содействие по маршруту его следования. Согласно предписанию губернатора, жители полуострова должны были по первому его требованию предоставлять транспорт, при этом никто не обращал внимания на то, что, возможно, в это время рабочая сила и транспорт были более необходимы в другом месте. Эта повинность была особенно не ко времени в момент заготовки запасов на зиму, к примеру, во время нереста лосося в реках, когда она на длительный срок отвлекала от работы на реках работоспособных и сильных мужчин (II: 252).

Комары

Бытовые трудности, с которыми в те времена было связано такое путешествие, фон Киттлиц если и упоминает каким-либо образом, то только вскользь. Более всего его изводят комары. Иногда они так досаждают путешественнику, что он не в состоянии идти пешком и поэтому вынужден ехать на лошади. Комариные орды на реке Камчатке фон Киттлиц описывает как особенно ужасные:

«Комары, как мне кажется, в этой местности чувствуют себя абсолютно как дома. В Шапине летом тщательно следят за тем, чтобы не привязывать на улице собаку, так как тогда она не сможет по своему обыкновению вываливаться в грязь. Без этой предосторожности животное, подвергающееся целую ночь укусам комаров, легко может стать жертвой воспаления кожи, как считается, особенно опасного в районе глаз и носа. Тут также рассказывают об оленях, которых находят в лесу мертвыми, то есть искусанными комарами до смерти» (II: 283).

Несмотря на комаров, фон Киттлиц описывает и приятные препятствия на своем пути:

Приятные препятствия на пути

«Мы приехали в Малки еще днем, но должны были довольно долго ожидать людей с лошадьми, хотя они должны были бы быть на месте намного раньше нас. Когда они наконец пришли, оказалось, что их задержало в пути встреченное на лугах ягодное лакомство. Такие задержки в эту пору года являются абсолютно обычными, а страстная жадность к этому покрывающему весь край освежающему лакомству, за которым легко можно забыть доводы рассудка по поводу погоды, ветра, траты времени и т.д., принадлежит характерным особенностям здешней жизни. Вот одна из наиболее значительных легенд о Кутхе: Когда-то на противоположном берегу очень бурного ручья Кутх увидел прекрасные ягоды брусники и, поскольку не знал другого способа туда попасть, оторвал себе голову и перебросил на другой берег» (II: 344).⁸

Фон Киттлиц путешествует без собственной свиты и везде его ожидает искреннее гостеприимство и содействие. Его спутниками, очевидно, были три брата Коршуновы, которые следовали из столицы в свои родные поселки на реке Камчатке. В быстром продвижении вперед фон Киттлицу, без сомнения, весьма содействовало имеющееся при нём письмо губернатора Камчатки, обязывающее оказывать ему всяческую помощь. Вероятно, фон Киттлиц изучает язык и везет с собой запас подарков и товаров для обмена, таких, к примеру, как ром и чай. В тех отрывках бесед или случаев, которые цитирует время от времени фон Киттлиц, ощущается его очень уважитель-

8 Бог-Творец и Трикстер. Ворон Кутх – главный герой в мифологии коренного населения Камчатки (прим. автора).

ное отношение к жителям посещаемых поселений и к своим спутникам, отношение, выходящее за рамки кратковременной зависимости от этих людей. Особенно высокого мнения фон Киттлиц был об ительменах (одной из этнических групп Камчатки) (II: 341–42).

Разнообразные задачи ученого-прирооведа

Задачи, которые исследователь фон Киттлиц выполняет во время сложного путешествия по Камчатке, более чем значительны: он наблюдает, стреляет, препарирует, рисует и описывает птиц, затем он ищет их гнезда, чтобы найти яйца. Параллельно он пытается собрать коллекцию других животных полуострова, набивает чучела млекопитающих, зарисовывает животных и рыб. Время от времени фон Киттлиц перемежает свои описания заметками о том, как местные жители помогают ему находить определённых животных. Они стреляют для него птиц или помогают, например, в поисках бесхвостой горной мыши, которую он долго искал. В другой раз научная помощь выглядела следующим образом: «В углу комнаты её предыдущие жильцы оставили кучу утиных голов, среди которых я был счастлив найти голову самца касатки (*Anas falcata*, Pallas) в весеннем оперении; это было для меня важно для определения вида, и я привез её с собой в Петербург» (II: 306, 354–58).

Фон Киттлиц трижды в сопровождении опытных охотников взбирается высоко в горы Ганальского хребта в поисках горного барана, но охота каждый раз остается безрезультатной. Кроме этого, он собирает растения, определяет и описывает их, пытаясь определить их ареал и местное название, а также способы использования. Собранные наблюдения он включает в свои размышления о вегетации в «24 вида вегетации...», которые представляют обширную панораму растительного мира Камчатки. Фон Киттлиц также уделяет много времени ведению дневника, который через много лет послужит созданию книги «Памятные моменты...», а также пишет сопроводительные тексты к книге «24 вида вегетации...».

Поскольку фон Киттлиц нигде не задерживается, то ему приходится делать все это «на ходу». Тем не менее, он горько жалуется из-за иногда случающихся безуспешных дней и упущенных возможностей. Однако подобные пессимистические настроения в большинстве случаев были вызваны такими конкретными проблемами, как, в тот день, например, когда кошка, жившая в доме хозяев, растерзала уже препарированную редкостную птицу!

Этнобиологические наблюдения

У фон Киттлица встречается множество описаний правил поведения на охоте, которые старательно соблюдали не только ительменские, но и вообще все камчатские спутники по путешествию. Эти и другие меры предосторожности по отношению к миру животных, по его мнению, местные жители

осознавали как необходимость, чтобы и в будущем иметь достаточно рыбы и дичи. В условиях, когда мы сегодня повсеместно сталкиваемся с проблемой рационализации использования регенеративного ресурса природы, сведения о механизмах бережного использования ресурсов в культурах коренных народов, складывавшихся веками, являются чрезвычайно актуальными.

В этом месте следует заметить, что исследовательское задание фон Киттлица не состояло исключительно в том, чтобы документировать модели поведения, обеспечивающие сохранение природных ресурсов. Мы видим его в роли скрупулёзного наблюдателя всего спектра событий, происходивших в течение путешествия. Если «замаскированная» в суеверии информация о том, что во время охоты на горного барана не следует собирать растения, не имеет для нас никакого смысла, то описанные им способы строительства рыболовных плотин очень интересны своей заботой о долгосрочном сохранении рыбных ресурсов. Фон Киттлиц пишет о том, что старается как можно точнее показать сложившуюся местную культуру и экосистемы еще и потому, что хочет задокументировать их состояние до появления на этой территории европейцев. При этом он представляет влияние последних большей частью деструктивным.

Рыбная ловля

Так, фон Киттлиц замечает, что построенные поперек реки плотины («запоры») сконструированы так, чтобы сквозь них могла проскользнуть средняя и мелкая рыбёшка. Таким образом, обеспечивается ситуация, когда достаточное количество рыбы может следовать далее, к местам нереста. От внимательного ока фон Киттлица не укрывается и тот факт, что даже дети играют в ловлю форели, строя маленькие, но абсолютно функциональные плотины, в которые время от времени даже попадает рыба.

В Машуре фон Киттлиц стреляет в королевского лосося (чавыча) и Алексей Гаврилыч – ительменский тоён⁹ из Машуры – выговаривает ему по поводу промахов, потому что теперь, дескать, раненая рыба, убежав, расскажет своим товарищам, что в нее стреляли. «Тут он прервал беседу, очевидно оттого, что его природная доброта и вежливость запрещала ему далее упрекать меня по поводу событий, которые уже невозможно изменить. Меня, однако, с того времени постоянно одолевало беспокойство, что, возможно, в следующем году чавыча вдруг придет в необычно малом количестве, и это я буду виноват в том, что своим недостойным поведением распугал эту благороднейшую рыбу». Только через много лет фон Киттлиц, к своему большому облегчению, узнает от Эрмана «что в последующем году в Машуре не было замечено никаких жалоб подобного рода» (II: 273, 309–10).

9 Староста поселения

Охота на горного барана

Еще один эпизод своего путешествия фон Киттлиц описывает следующим образом: «Вечером мы подкрепились чаем; мои спутники из Ганалы не преминули рассказать мне при случае, что у них распространено странное суеверие, в которое сами они, правда, не верят, но все-таки перестраховываются по привычке. Дело в том, что при охоте на барана следует остерегаться брать с собой какое-либо горное растение, потому что иначе пойдет дождь. А дождь на такой охоте будет иметь самые печальные последствия, так как он портит не только видимость, но и порох. Склоны гор становятся скользкими, а спуски – чрезвычайно опасными. Я конечно же понял, что в этом рассказе был скрыт намек...» Поэтому фон Киттлиц решает отделиться от группы выше в горах, чтобы вдали от чужих глаз собрать ботаническую коллекцию. Охота начинается довольно успешной, фон Киттлица особенно радует вид, открывающийся с гор на окрестности. Согласно плану, немец со своим спутником покидает группу охотников, чтобы исполнить свой долг природоведа и собрать необходимые растения. Однако прежде, чем кто-либо из охотников успевает сделать первый выстрел, разражается ливень. Оба путешественника немедленно возвращаются назад в лагерь, где тщетно ждут своих друзей-охотников: «...[мы] еще долго высматривали наших спутников с Ганалы, и тревога, что могло случиться несчастье, увеличивалась вместе с нарастающей силой дождя. Наконец они появились, все в целостности и сохранности, но промокшие насквозь: им пришлось возвращаться более длинным путём через долину, преодолевая глубокие потоки бурного горного ручья. Им вовсе не удалось поохотиться, хотя они и видели четырёх отличных горных баранов. Во всей этой ситуации меня удивило приветливое выражение их лиц, никто не выглядел рассерженным из-за такого неожиданного изменения наших планов. [...] К моему удивлению, они не высказали ни малейшего недовольства моим сбором растений, результат которого никак невозможно было скрыть в тесной палатке. Однако они всё же слишком серьезно отговаривали меня заниматься этим, так что невозможно было бы подумать, будто они полностью свободны от такого суеверия, и я приписываю их молчание самообладанию, с которым они скрывали свое неудовольствие» (II: 334–341).

Медведи

По поводу медведей, которые регулярно встречались группе наших путешественников, фон Киттлиц замечает следующее: «...на Камчатке очень не любят отпускать медведя, не преследуя». То есть, за этим зверем с большим рвением гоняются при каждом удобном случае, но большей частью безуспешно. За редкими исключениями даже подстреленный зверь всё равно уходит. В писаниях фон Киттлица явно заметно, что и он не избежал искушения этого охотничьего азарта.

Из описаний фон Киттлицем его спутников и людей, которые ему встречались, не всегда можно понять, кто из них принадлежит к какой этнической группе. Из этого вовсе не следует, что учёный игнорирует эту информацию, вероятнее всего, она не особенно важна в системе тех человеческих отношений, которые сложились в путешествии. Чаще всего ему приходится контактировать с ительменами, и он описывает их очень уважительно. В отдельных местах фон Киттлиц высказывается по поводу той или иной этнической группы, отображая с обычной точностью их жилища, способы строительства, одежду и способ жизни как в словесных описаниях, так и рисунках (II: 315, II: 329).

Ключи

«25 июля мы должны были наконец прибыть в Ключи, наиболее культурное место на всей Камчатке. ... День стоял ясный и чрезвычайно жаркий. Изгибы реки становились всё более плавными. Снова начали встречаться довольно высокие горы. ... Восточнее поднимается высокий, скалистый Шивелуч, который своим причудливым видом отличается от большинства остальных конусообразных гор полуострова.

Расположение Ключей на правом берегу реки придает приветливому поселку, состоящему из 32 домов и нарядной церкви, вид вполне европейского поселения. Суша повышается мягким холмом от берега до низких горных цепей у подножия наводящей ужас Ключевской сопки, самой высокой горы полуострова, высота которой составляет около 16000 футов. Этот красивый, симметричный конус венчает величественный пейзаж» (II: 287–88).

Второе путешествие на западное побережье

Так как фон Киттлиц запланировал еще и визит на Курилы, он возвращается из Ключей назад в Петропавловск. Там он предпринимает еще несколько небольших вылазок, например, к озерам у подножия Козельского вулкана. Поскольку ему много рассказывали о разнообразии видов тюленей на западном побережье полуострова, он решает отправиться в эту поездку, несмотря на осень.

7 сентября фон Киттлиц начинает свое второе большое путешествие по Камчатке. Маршрут его следования проходит от Большерецка и Гольгина до Явина, а оттуда назад в Петропавловск.

Фон Киттлиц все чаще и чаще жалуется на «усталость». Это состояние частично отражается и в его описаниях. Унылое состояние души исследователя усугубляет тот факт, что флора и фауна западной части Камчатки показалась ему гораздо менее разнообразной, чем те части полуострова, которые он уже успел объездить. Таким образом, следующее впечатление от окраин Большерецка является скорее отражением душевного состояния автора, хотя и содержит меткое описание самого поселка:

«Из-за высокой травы было трудно дойти до покинутых зданий; рядом с ними лежал чрезвычайно старый баркас, перевернутый и частью вросший в землю, сделанный, казалось, еще во времена Бенёвского;¹⁰ мы, вероятно, были не первыми, кто из-за недостатка дров позарился на этот антиквариат, бросая его куски в костер, чтобы вскипятить чай. Куча старых деревянных крестов без надписей позади баркаса указывала на расположение бывшего церковного двора, и одновременно была весьма выразительным символом всей местности» (II: 374).

Эта часть путешествия фон Киттлица проходит по воде: экспедиция движется на лодках по небольшим рекам, текущим параллельно берегу, и внутренним водоёмам. Продвигаясь таким образом вглубь суши, фон Киттлиц наконец прибывает в Явино, где узнает, что сопровождающие его в пути бури и ливни были предвестниками надвигающейся зимы, и что все байдарки уже поставлены на зимовку. Было бы слишком рискованно решиться на дальнейшую поездку ввиду штормовой погоды (II: 374–387).

Несмотря на общую усталость и разочарование от того, что теперь невозможно изучать птиц и морских млекопитающих региона, фон Киттлиц пишет: «Однако вид этих островов (Курильских – прим. авт.) при ясном солнечном свете вдруг наполнил меня восхищением, ... меня так теперь притягивал предполагаемый животный мир этих далеких островов и окружающего их моря; что вопрос: возвращаться ли мне на «Сенявине» в Европу или остаться еще на некоторое время на Камчатке, всё ещё оставался нерешённым. Спонтанно я принял решение дожидаться весны в Петропавловске и тогда как можно скорее вернуться сюда. В свидетели моего решения я взял пик Алайд, эту всепонимающую гору..., и попрощался с ним как с кем-то, кого вскоре собираюсь увидеть вновь» (II: 388).

Прощание с Камчаткой и возвращение

Фон Киттлиц вынужден возвратиться назад в Петропавловск, так и не побывав на Курилах, и не описав разнообразия местной колонии тюленей. На обратном пути он узнает, что «Сенявин» уже стоит в гавани, поэтому, вопреки принятым планам посетить в следующем году Курилы, спешит туда, чтобы вновь подняться на борт корабля. 10 ноября фон Киттлиц навсегда покидает Камчатку.

Корабли «Сенявин» и «Моллер» отправляются в обратный путь через Филиппины, Остров Святой Елены и Азоры в направлении родного порта. 12 июня 1829 во французском городе Гавре фон Киттлиц вместе с другими участниками покидает экспедицию, чтобы по суше вернуться в Санкт-Петербург (II:411–12, 415, Petersen 1875: 42).

10 Матус Мориц Бенёвски (Matúš Móric Benyowsky), также: граф Мориц Бенйовски (Moritz Benjowski) (*1746 Венгрия, †1786 Мадагаскар). В 1770 году борец за независимость Бенёвски, сосланный на Камчатку, организовал там восстание, захватил судно и убежал. Он прибыл на Мадагаскар, прожил исполненную приключений жизнь и умер, став мадагаскарским королем (Meyers Konversationslexikon. 1885-1892: 694).

Научная оценка кругосветного плавания

Фон Киттлиц возвращается из своей экспедиции с чрезвычайно богатым «уловом». Из собранных ним 750 чучел птиц, среди которых насчитывается около 300 различных видов, большая часть осталась в Санкт-Петербурге. Многие из этих птиц впервые были описаны фон Киттлицем. Этнографические материалы всех трех природоведов, участвовавших в экспедиции, были переданы в Музей Академии наук в Санкт-Петербурге. Туда же попала папка с рисунками, из которых 700 были сделаны Постельсем, 200 – фон Киттлицем, а остальные – Мертенсем. Все последующие годы фон Киттлиц занимается научной оценкой результатов экспедиции. В течение 1830-1835 годов он публикует в Записках Императорской Российской Академии наук многочисленные орнитологические труды, в которых описывает открытые им виды пернатых. В 1830 году исследователь подарил 77 чучел, в том числе двух млекопитающих и 44 вида птиц, музею Зенкенберга. Теперь это – наиболее ценные экспонаты первичной коллекции пернатых музея Зенкенберга (Petersen 1875: 43, Völkl 1968: 177–78, Литке 1835: XX, Steinbacher 1955: 129, I: XII).

После своего возвращения из Берлина фон Киттлиц работает над «Видами вегетации из западных Судетов (Vegetationsansichten aus den westlichen Sudeten)», а также над «Сценами природы Камчатки (Naturszenen aus Kamtschatka)». Большой частью он пишет иллюстрированные статьи для разных журналов, как например «Картины Тихого океана (Bilder vom Stillen Ozean)». Знатоки очень высоко оценили его труд «Памятные моменты путешествия» («Denkwürdigkeiten einer Reise»). К сожалению, во время подготовки этой статьи невозможно было найти ни отдельных иллюстраций, ни даже доказательств публикации труда «Сцены природы Камчатки» (Petersen 1875: 43, Steinbacher 1955: 128).

Хотя Камчатка и была местом, где фон Киттлиц провёл большую часть времени своего кругосветного путешествия, нельзя не упомянуть, что дальнейшие этапы своего путешествия он описал с не меньшей тщательностью и столь же старательно снабдил рисунками. Следует добавить, что материалы для этой статьи собирались в Германии, и, таким образом, у автора не было возможности принять во внимание рукописи и иллюстрации, хранящиеся в Петербурге. Из некоторых других публикаций мы знаем, что фон Киттлиц работал над несколькими темами, но они, к сожалению, никогда не публиковались, и на данный момент место их нахождения не известно. Поэтому приведенный в этой статье список трудов фон Киттлица нельзя рассматривать как полный. Тем не менее, он в достаточной мере представляет обширное научное наследие учёного и объём его вклада в науку.

Большая часть приведенных в статье биографических данных касается Камчатского периода исследователя. В этой статье впервые опубликованы некоторые акварели фон Киттлица.

Представленный на предыдущих страницах труд «Памятные моменты одного путешествия вокруг света» («Denkwürdigkeiten einer Reise um die

Welt») принадлежит к самым значительным работам фон Киттлица, но поскольку он уже детально представлен в ранее опубликованных исследованиях о жизни и деятельности учёного, мы отказались в этой статье от отдельной главы о нем.

Иллюстрации фон Киттлица оченьгодились его коллеге Адольфу Эрману в его работе «Путешествия вокруг света» (Adolf Erman 1848). Кроме картин фон Киттлиц поместил в этой же книге детальную главу о зоологии. И в третьем томе «Путешествий вокруг света...» капитана Литке он опубликовал исчерпывающие научные наблюдения.

Орнитологические публикации

Орнитология стала для фон Киттлица призванием всей его жизни. Уже с юности, в 1817-1824 годах, он тщательно ведет орнитологические дневники, из которых сохранилось четыре тетради.

В 1832 году он начинает издавать иллюстрированную «Естественную историю птиц (Naturgeschichte der Vögel)», которая, к сожалению, после выхода трёх выпусков, была прекращена из-за отсутствия финансирования.

За период с 1830 по 1835 год в Записках Императорской Академии наук вышло несколько его иллюстрированных публикаций о птицах, которых он описал во время путешествия; при этом все виды, кроме двух, до тех пор были неизвестны европейскому естествознанию. Среди его публикаций: «О некоторых птицах Чили, по наблюдениям в марте и апреле 1827 (1831)», «О птицах группы островов Бонисима [Бонинские острова] (1831)», «О некоторых еще не описанных птицах островов Лусон, Каролинов и Марианов (1835)», «О некоторых птицах Чили (1835)».

Фон Киттлиц сотрудничал также с различными изданиями, в том числе с журналом «Музей Зенкенберггианум» (Museum Senckenbergianum), где помещал публикации об открытых им видах птиц и рыб, например: «Известия о местах высиживания некоторых тропических морских птиц (1834)», «Описание некоторых новых и мало известных видов рода *Acanthurus*, в Тихом океане, наблюдаемых и после жизни изображенных (1834)», «Пять новых видов птиц Чили» (1834).¹¹

Птицы, которых учёный встретил на Камчатке, детально описаны в «Памятных моментах...» (Moyat und Schuster 1906: 359, Steinbacher 1955: 128, некролог в журнале „Zoologischer Garten“ 1874).

11 -Nachrichten von den Brüteplätzen einiger tropischer Seevögel (1834)

-Beschreibung mehrere neuer und wenig gekannter Arten des Geschlechts *Acanthurus*, im Stillen Ozean beobachtet und nach dem Leben abgebildet (1834)

-Cinq nouveau espèces d'oiseaux du Chile (1834)

24 вида вегетации прибрежных стран и островов Тихого Океана

В те времена, когда дальние путешествия были сопряжены с чрезвычайными трудностями, опасностями и затратами, а фотография находилась еще в ясельном возрасте, оригинальный визуальный материал и достоверность деталей увиденного в далёких странах были на вес золота. Поэтому фон Киттлицу, одарённому от природы художественным талантом, в экспедиции было дано задание «нарисовать как можно более портретов деревьев и характерных эскизов вегетации». Именно это стало стратегической линией труда, который считается самым значительным вкладом фон Киттлица в науку: «24 вида вегетации прибрежных стран и островов Тихого океана» (24 Vegetationsansichten von Küstenländern und Inseln des Stillen Ozeans. Siegen, 1844).

Фон Киттлиц очень ответственно отнёсся к возложенной на него миссии. Чтобы, не дай Бог, не исказить даже мельчайшие детали изображения при его переносе с рисунка на медную пластину, он старался сам выполнять эту трудоёмкую работу, для чего в возрасте 50 лет изучил ремесло гравера.

«Эскизный рисунок всей картины создавался обычно сразу же после того, как мы покидали страну, когда лаконичные пейзажи исключительно неба и воды не прерывали живого воспоминания о происходящем незадолго перед этим». Если у фон Киттлица возникали вопросы, то на них мог ответить ботаник экспедиции д-р Мертенс, который всячески помогал ему советами в исполнении рисунков и акварелей, одновременно исполняя роль «благотворного критика» (I: 5–6).

К сожалению, д-р Мертенс, которого фон Киттлиц высоко ценил и как специалиста, и как человека, скончался вскоре после окончания экспедиции, не исполнив своего обещания дополнить иллюстрации фон Киттлица пояснениями. Поэтому ему пришлось писать тексты самому.

Гармоничное сочетание выдающегося природоведа с талантливым и достоверным в деталях художником в одном лице стало залогом успеха труда фон Киттлица «24 вида вегетации». О том, что в этой работе учёному удалось реализовать свои собственные, чрезвычайно высокие претензии, свидетельствует тот резонанс, который этот труд произвёл в научном мире, удостоившись весьма высоких похвал современников. Коллеги учёного Александр Гумбольдт (Alexander von Humboldt) и Якоб Шляйден (Jakob Schleiden) выразили свое «величайшее признание» и одобрили как сам замысел, так и исполнение «Виды вегетации» в самых хвалебных тонах. Этот труд до сих пор считается одним из наиболее важных, из созданного фон Киттлицем.

Из-за слабого здоровья фон Киттлица и сложности этого проекта публикация затянулась до 1850 года. Вскоре после этого в Лондоне вышли, вероятно, неавторизированные фоторепродукции «24 вида вегетации». Это, а также то, что появлялось все больше и больше отчетов других путешественников, привело к тому, что фон Киттлиц не получил при жизни того признания и финансового вознаграждения, которых заслуживал своими необычайными научными достижениями.

Хотя сам труд был опубликован, но представленные в следующей главе акварели туда не вошли. Поэтому в этой публикации мы отказались от полной демонстрации шести видов вегетации, в которых идёт речь о флоре Камчатки, в пользу акварелей (Petersen 1875: 43, Steinbacher 1955: 126, неопубликованная рукопись: 4–5).

12 акварелей с Камчатки

Представленные здесь акварели публикуются впервые и отражают различные сцены и пейзажи Камчатки. Несмотря на свой возраст, прекрасно сохранившиеся живые краски иллюстраций подкупают художественно убедительным исполнением и характерной для фон Киттлица точностью деталей. Ссылка на эту серию произведений фон Киттлица была найдена в статье владельца, проф. д-ра Ханса Энглендера (Hans Engländer) за 1963 год.¹²

Профессор Энглендер любезно предоставил нам возможность опубликовать эти уникальные изображения Камчатки.

Хотя акварели не подписаны, соответствующие цитаты из книги «Памятные моменты путешествия» («Denkwürdigkeiten einer Reise») доказывают, что их автором однозначно является Киттлиц. Непосредственная связь акварелей с текстом становится очевидной при описании отдельных рисунков (Engländer 1963: 445).

Он сам неоднократно упоминал и сожалел о тех искажениях, которые возникали при их переводе в гравюру на меди или ксилографию. Главным достоинством рисунка Киттлиц считал достоверность, и, как уже описывалось в предыдущем главе, именно из-за этого Киттлиц сам изучил технику гравюры на меди, чтобы иметь возможность непосредственно реализовать свои представления. Эта же верность деталям прослеживается и в его акварелях. До сих пор никто из многочисленных зрителей этих произведений, ни на Камчатке, ни где-либо ещё, не смог обнаружить никаких ошибок или неточностей в содержании.

Художественной свободой, в смысле отклонения от так называемого «фотографического отображения» он пользовался только тогда, когда это касалось композиций, целью которых было как можно шире представить изображаемое содержание.

В качестве примера можно привести акварель «Ганалы» (с. 89). Все изображенные тут растения и животные характерны для данной экосистемы, однако растут ли они в действительности в изображенном порядке, и можно ли их увидеть все вместе одновременно, остается тайной художника. Если, как предполагается, речь идет действительно о композиции, то сделано это исключительно в интересах зрителя, который в результате получает картину, где содержится намного больше информации о деталях, чем в самой скрупулёзной фотографии.

12 Engländer, Hans 1963: 443–448.

Постоянная скрупулезность изображения художником всех деталей, от самых мельчайших, как, например, форма и цвет листьев, до самых крупных – горных хребтов – является убедительным аргументом авторства Киттлица. Ведь кроме него и его камчатских спутников, никто не видел того, что он отобразил в художественной форме.

Последовательность акварелей взята из двухстраничного описания Ханса Энглендера (Hans Engländer), она соответствует последовательности текста камчатских путевых заметок Киттлица «Памятные моменты путешествия» («Denkwürdigkeiten einer Reise»).

Корякский вулкан

Река Авача с вулканом Корякский. Крачка обыкновенная, соловей-красношейка и овсянка-ремез. Середина июня.

«И тут мы увидели в верхнем течении реки роскошные горные хребты, где над обширными участками леса по левому берегу поднимались огромные сопки вулканов, и первой – громадная Корякская Сопка, воздушный образ которой я лицезрел во всей ее удивительной четкости и необычной величине. На следующее утро при совершенно ясном небе облик гор явился нам настолько прекрасным, что я, готовя завтрак, занялся его рисованием (II: 236)».

«Тут я подстрелил самку *Emberizia rustica* (Овсянка-ремез), которая мне до сих пор была неизвестна в летнем оперении. На реке очень часто показывается морская ласточка, которую тут называют «мартичка»; [...] Я восторгаюсь высокими, густыми и неимоверно далеко разбегающимися кустами роз, которые особенно украшают берег вокруг Острога. Но бутоны их все еще не раскрылись (II: 235)».

Остров Старичков, скалы

Птичьи скалы острова Старичков, на юг от Авачинской бухты. Бакланы, чайки, топорки, ипатки. Конец июня.

«Большинство гнезд можно найти теперь по обеим сторонам острова, обернутым к открытому морю абсолютно отвесными берегами. Так как эти обрывы доступны только сверху, со стороны вершины, где есть коридор травы, собирателям яиц часто приходится проделывать опаснейшие спуски. Оттуда нам открылся чрезвычайно чудесный вид на громадную поверхность океана, которая при совершенно чистом небе и полном штиле простиралась до поднимающегося вверх горизонта, и, насколько можно было охватить взглядом, была покрыта мириадами плавающих и летающих птиц (II: 217–18)».

Остров Старичков, природная пристань

Птичьи скалы острова Старичков, на юг от Авачинской бухты. Моевки, кайры, кулики белые трясогузки, кулики-сорочки, тихоокеанские чистики, обыкновенный старик. Конец июня.

«Это единственная природная пристань, имеющаяся на острове Старичков вблизи небольшого пресноводного источника. [...] На заднем плане простирается восточное побережье полуострова, которое состоит сплошь из суровых скал, и от которого остров Старичков отдален лишь на две мили. Отсюда можно разглядеть бухту Авачи, а также конусную вершину Авачинской (справа) и Корякской сопки (слева) (Litke 1835: XVI)».

Лес и цветы, лето

Лес в верхнем течении реки Камчатки с лилиями, спиреями и березами. 15 июля.

«Среди некоторых цветов, которые ее [Камчатку - прим. Л. Ш.] украшают, особо выделяется желтая саранка из семейства (*Lilium debile* [?]); Мы сегодня впервые видели эти роскошные цветы на открытом воздухе в таком количестве. Цветочная корона красивой оранжевой окраски имеет известную нежную форму *Lilium Martagon*, но стебель намного тоньше и гибче. Корневой клубень состоит из множества заостренных мясистых листьев, которые являются вкусным и, по всей видимости, весьма питательным овощем, но при этом они далеко не так тверды и мучнисты, как круглые клубни так называемой черной саранки; тут это растение известно под названием «офсянка» (II: 261)».

Киттлитц считается первым учёным, составившим описание этой лилии, поэтому его имя сегодня увековечено в её полном ботаническом названии: *Lilium debile* KITTLITZ.

Фото: Rosemary Hillis

Рыбные барьеры (запоры)

Рыбные барьеры на реке Камчатка возле Мильково. Разные виды лососей. 18 июля. Описание этого устройства находится в главе «Рыбная ловля».

Ключевской вулкан с лошадьми

Вулкан Ключевской возле Ключей. Самый высокий активный вулкан Евразии. 27 июля.

«Из-за низинного расположения селения вид на прекрасные горные массивы горизонта был недостаточный; чтобы лицезреть их, мне пришлось последовать за любезным отцом Михаилом на колокольню церкви, откуда мне открылась очень полная панорама южной половины местности. Я тут же решил зарисовать увиденное [...] Однако в этот день мне удалось только начать, а на следующий, несмотря на хорошую погоду, горизонт был недостаточно ясен, чтобы увидеть эфемерные образы высоких сопки (II: 290)».

«Суша поднимается от берега мягкими волнами до низких горных хребтов у подножия громадной Ключевской сопки, наивысшей известной горы полуострова, высота которой составляет около 16000 футов. Эта красивая, совершенно регулярная сопка венчает целостность величественного ландшафта; расстояние от берега до ее непосредственного подножья составляет 60 верст. На пологих склонах над домами нет леса, частично их используют

под сельскохозяйственные угодья; выше начинается лес, покрывающий все предгорье большой сопки и соседней Крестовской сопки. Последняя имеет более грубые формы, в ее глубоких и широких ущельях больше вечных снегов, чем в Ключевской сопке, которая, кстати, является еще очень живым вулканом и, по рассказам, время от времени дымит и дышит пламенем. Д-р Ад. Эрман (Ad. Erman), посетивший эту местность через год после меня, был свидетелем таких явлений; во время моего пребывания гора была полностью спокойна (Ш: 288)».

Орлан на реке Камчатка

Хвойный лес на средней реке Камчатка, на заднем плане вулкан Толбачик. Орлан-белохвостый. 1 августа.

«Этот вид был зафиксирован в месте, где река меняет своё направление, однако отсюда ее видно только частично. С правой стороны находится остров, поросший вербовыми кустами, на заднем плане – вулканы, которые из-за их чрезвычайной высоты можно видеть отовсюду и которые служат жителям этого края своего рода дневными маяками, так как они ориентируются на них в своих далеких путешествиях. На заднем плане слева видна одна из самых высоких и, возможно, также одна из красивейших сопки, которые можно увидеть на земле – Ключевская сопка...(Litke 1835: XIII)»

Охота на медведя и ловля лосося

Охота на лосося на реке Камчатка возле реки Шапины, на север от Машуры. Сторожевые мостки для ловли лосося. 4 августа.

«Весьма своеобразное впечатление, когда во всей этой вышеупомянутой мертвой тишине скучно-монотонной и до жути возвышенной пустыни, время от времени находишь следы человеческой деятельности. Обычно это мостки – примитивные сооружения из жердей, выложенные брусьями и продольными кусками коры, которые жители соседних с рекой селений имеют обыкновение мастерить на песчаных отмелях изгибов реки, и которые теперь, при низком уровне воды в середине лета видны полностью. Конечно, сейчас они бессмысленны, и на первый взгляд даже сложно определить их предназначение. Но весной, когда река еще наводнена растаявшим снежным покровом всей Камчатки, когда те песчаные отмели являются только чуть менее глубокими местами, опорные жерди этих мостков по большей части спрятаны под водой. Над поверхностью воды возвышается только верхняя часть, где уложенные доски образуют наклонную платформу, и на ней занимает место назначенный тайоном общины сторож, которого время от времени сменяют. Сторож должен постоянно наблюдать за гладкой поверхностью воды затопленной песчаной отмели. В это время года (а именно в мае и

июне) ожидают прибытие первой чавычи, сразу за которой следуют огромные стаи самого крупного и наиболее вкусного вида здешних лососей. Выше по течению, там, где река не так глубока, этих лососей ловят в описанных выше рыбных заторах, поэтому там нет необходимости в сторожевых постах; но тут их приходится ловить сетями, и потому для местных поселков чрезвычайно важно как можно раньше узнать о появлении рыбы. Отлов рыбы начинается без всякого промедления, пока рыбный поток не прошел ближайший к селению участок реки. Поэтому, как только постовые замечают первую рыбу этого вида над отмелью, они сразу же садятся на стоящую на подхвате лодку и спешат известить селение, где все тут же хватают сети и начинается летняя работа (II: 284).»

Тундра

Тундра в районе истоков рек Камчатка и Быстрая. Водораздел между Тихим океаном и Охотским морем. Белые куропатки. 13 августа.

Ганалы

Горная местность возле Ганал с горными растениями, камчатским диким бараном и сурком. 15 августа.

См. главу «Охота на горного барана»

Пляж

Устье реки при ее впадении в море. Скалы, бакланы.

Бакланы, чайки, ржанки, альбатрос, тюлени, кит и различные водоросли. Начало октября.

Это единственный рисунок, пейзаж на котором пока не удалось идентифицировать. Есть предположение, что это устье реки поблизости бывшего поселения Явина на юго-западном побережье Камчатки. Детали этого рисунка присутствуют в описаниях путешествия Киттлитца в этой части края. Так, например, тут упоминается светлый песчаный пляж (в отличие от черного песчаного пляжа во многих других частях полуострова), крутой обрыв песчаного берега вместе с характерной растительностью, тюлени, загорающие на песчаных отмелях неподалеку от устья реки, а также кит на заднем плане рисунка. Однако внушительных скал нет как в записях Киттлитца, так и в природе.

Зима

Снежный ландшафт возле Авачи. Ворон обыкновенный, сороки. Стояки для привязывания ездовых собак. Вывешенные медвежьи шкуры. Конец октября.

«Пока я проводил последние дни октября и начало ноября в Аваче, зима пришла и в эту прибрежную местность; все довольно сильно замерзло и вскоре выпал постоянный снег; все еще сильно дымящийся вулкан казался целиком превращенным в снежную гору, за исключением ленты стекающей лавы в месте постоянного извержения горячего газа. Возле человеческих жилищ, среди стай многочисленных воронов (*Corvus Corone*), лишь время от времени можно было заметить свободно бегущую собаку, которая рыла свежий снег; большинство животных этого вида были уже пойманы и привязаны к своим продуваемым всеми ветрами зимним квартирам. Это – голые жерди, приставленные друг к другу в виде пирамиды или подвешенные горизонтально между двумя стволами деревьев, собак привязывают к ним длинными ремнями, обычно дополнительно предотвращая возможные попытки побега привязыванием деревянного полена. Так и лежат собаки всю зиму возле своих кормушек под открытым небом. [...] Кроме ворон, на этом первом снегу присутствует довольно много сорок, которых привлекают медвежьи шкуры, развешенные для просушки на деревьях возле домов (II: 412).»

Хотя фон Киттлиц и совершил в молодости ошибку, избрав сперва военную карьеру, мы можем сегодня совершенно определённо говорить о его счастливой звезде, которая помогла ему быстро найти свое истинное призвание и следовать своим склонностям. Фон Киттлиц был талантливым природоведом с проявившимися в более зрелом возрасте философскими наклонностями и не менее талантливым художником-идеалистом. В профессиональных кругах современники восхищались его заслугами в области орнитологии и его творческими способностями, отдавая ему должное как «интересному писателю и искусному иллюстратору».

Наивысших похвал фон Киттлиц удостоился за точные в деталях изображения природы, которые были результатом сочетания его неутомимого рвения, основательных знаний живой природы и художественного таланта. Прекрасный пример этой гармонии – 12 акварелей на камчатские темы. Орнитологические труды фон Киттлица не утратили своего научного значения даже сегодня, а его описания путешествий являются и для читателя наших дней богатым и увлекательным источником информации.

«Чрезмерная совестливость и честность» в соединении с «недостаточной деловой хваткой» (Stricker 1882: 47) привели к тому, что обширные знания и рвение фон Киттлица не снискали ему ни славы, ни финансового благополучия. Вследствие многочисленных болезней, из-за которых исследователь не смог присутствовать на чествованиях и на годы затягивал публикации своих трудов, его достижения не были должным образом вознаграждены.

От разочарования и ожесточения в результате так неблагоприятно сложившихся обстоятельств фон Киттлица, уберегли внутренняя удовлетворённость и природная скромность. Поэтому в его некрологе, написанном сотрудником научно-исследовательского института Зенкенберга, мы читаем, что учёный хотя и «умер с чувством одиночества, но, тем не менее, веселым и спокойным» (Steinbacher 1955: 122, Gebhardt 1977: 694).

Следует отметить, что нигде в воспоминаниях о фон Киттлице, а также в его собственных мемуарах нет никаких указаний на то, что он враждовал с кем-либо или хотя бы ссорился. Его описывают как «во всех отношениях хорошего человека, приветливого, отзывчивого и в величайшей степени чуткого» (Petersen 1875: 44).

Вклад фон Киттлица в историю орнитологии можно оценить по тем названиям видов птиц, которые названы в его честь. Он первым описал многочисленные виды, некоторые из которых на сегодняшний день уже исчезли либо находятся на грани вымирания.

Вкладом в посмертное чествование обширного научного наследия фон Киттлица мог бы стать перевод его трудов на русский язык, инициировать который – цель этой публикации. Исследование о бароне фон Киттлице в российских архивах и музеях в рамках немецко-российского научного сотрудничества могло бы, без сомнения, дополнить описанный в статье образ учёного и расширить повествование о деятельности немецкого природоведа на российской службе.

Выражение благодарности

Искренне благодарю всех, кто поддержал меня, терпеливо отвечая на все мои вопросы и проверяя разные версии этого текста как на немецком, так и на русском языке. Особое спасибо переводчице Ольге Сидор за ее вклад в русскую версию текста и фотографу Андреасу Лёрхеру за фотографии. Я очень благодарна господину профессору д-ру Хансу Энглендеру, который щедро предоставил в мое распоряжение все свои материалы по нереализованной публикации о фон Киттлице. Также в частной коллекции этого интересующегося искусством орнитолога находятся 12 впервые представленных в этой работе впечатляющих камчатских акварелей Генриха фон Киттлица. Благодаря любезному предложению профессора Энглендера скопировать и опубликовать эти картины, с ними сможет ознакомиться широкая публика.

Литература

- о. J. Bilder einer Reise nach Kamtschatka in den Jahren 1827-28 von F. H. von Kittlitz (den Aquarellen beiliegende Beschreibung) [Без указания года. Картины путешествия на Камчатку в 1827 и 28 г.г. Ф. Г. фон Киттлица (Описание приложено к картинам)].
- Engländer, Hans 1963. Landschaftsaquarelle als Reiseberichte des Naturforschers Friedrich Heinrich von Kittlitz [Акварельные пейзажи как отчет о поездке естествоиспытателя Фридриха Генриха фон Киттлица]. *Natur und Museum* 93 (11). 443-448.
- 1832. Kupfertafeln zur Naturgeschichte der Vögel. Erstes Heft mit 12 ausgemalten Kupfertafeln [Медные таблицы о естественной истории птиц. Первая тетрадь с 12 крашенными гравюрами]. Frankfurt: Sauerländer.
- 1844. 24 Vegetationsansichten von Küstenländern und Inseln des Stillen Ozeans [24 вида вегетации прибрежных стран и островов Тихого Океана]. Siegen.
- Gebhardt, Ludwig 1977. Kittlitz, Heinrich Frhr. v. Neue deutsche Biographie [Киттлиц, Генрих барон фон. Новая немецкая биография]. Том 11. 694–695.
- Kittlitz, Friedrich Heinrich von 1858. Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka [Памятные моменты путешествия в русскую Америку, Микронезию и по Камчатке]. Gotha: Perthes.
- Kittlitz, Friedrich Wilhelm Heinrich Freiherr von und Ottendorf 1799-1874. Unveröffentlichtes Manuskript eines unbekanntes Nachfahren von Heinrich von Kittlitz. Privatsammlung von Prof. Hans Engländer. 10 Seiten [Неопубликованная рукопись неизвестного потомка Генриха фон Киттлица. Частная коллекция профессора д-ра Ханса Энглендера. 10 страниц].

- Klausewitz, Wolfgang 2005: Rüppell, Wilhelm Peter Simon Eduard. Neue Deutsche Biografie [Рюппель, Вильгельм Петер Симон Эдуард. Новая немецкая биография]. Том 22: 226–27. Berlin.
- Lutké (Litke), Frédéric 1835. Voyage autour du monde. Exécuté par ordre de sa majesté Nicolas Ier, sur la corvette le Sényavine, dans le années 1826, 1827, 1828 et 1829 [Путешествие вокруг света, совершенное по повелению императора Николая I на военном шлюпе Сенявине в 1826-1829 годах. Перевод с русского оригинала проверен автором]. Paris: Didot (Vom Autor geprüfte Übersetzung des russischen Originals).
- Meysers Konversationslexikon [Энциклопедический словарь Майера]. Verlag des Bibliographischen Instituts, Leipzig und Wien, Издание четвертое, 1885-1892.
- Moyat, Jakob & Wilhelm Schuster. 1906. Ungedruckte Tagebücher des Frhr. F. H. v. Kittlitz aus den Jahren 1817-1824 [Неопубликованные дневники барона Ф. Г. фон Киттлица 1817-1824 годов]. *Journal of Ornithology* (54) 3: 359–383.
- Petersen, Theodor. 1875. Zum Andenken and F. H. von Kittlitz. Vorträge und Abhandlungen. Bericht über die Senckenbergische Naturforschende Gesellschaft [В память о Ф. Г. фон Киттлице. Доклады и научные статьи. Сообщение о Зенкенбергском природоведческом обществе]. 1873-74. 41–44.
- Steinbacher, J. 1955. Friedrich Heinrich von Kittlitz, Lebensweg eines Naturforschers [Фридрих Генрих фон Киттлиц, жизненный путь естествоиспытателя]. *Natur und Volk. Bericht der Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft*. 1955 (85): 121–129.
- Stricker W. 1874. Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz aus Schlesien [Фридрих Генрих барон фон Киттлиц из Силезии]. *Zool. Garten* XV.
- Stricker, W. 1882. Kittlitz: Friedrich Heinrich. Allgemeine Deutsche Biographie [Киттлиц: Фридрих Генрих. Общая немецкая биография]. Bd. 16. 46–47 Leipzig.
- Völkl, Ekkehard 1968. Russland und Lateinamerika [Россия и Латинская Америка]. 1741-1841. Wiesbaden: Harrassowitz.